

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

Наталья Радулова

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ТЕРРА»
КНИЖНЫЙ КЛУБ

Наши

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»

Издается с 1925 года

НАТАЛЬЯ РАДУЛОВА

НАШИ

Издательский дом «Огонек» — «Терра—Книжный клуб»
Москва — 2008

ОБ АВТОРЕ

Наталья Радулова родилась в Одессе, что многое объясняет. Из всех языков предпочитает русский и заливной. В «Огоньке» с 2001-го года. За это время, не меняя работы, объездила Россию от Архангельска до Петропавловска-Камчатского. В Москве появляется только для того, чтобы написать очередную еженедельную колонку про мужчин и женщин. После чего отправляется за очередным репортажем — вроде тех, что собраны в этой книжке.

Уважаемые читатели!
Ваши отзывы и предложения отправляйте по адресу
bibl@kkterra.ru

© Издательский дом «Огонек», 2008

РАЙ. 20 ЛЕТ СПУСТЯ

Комсомольцы состарились, а их дети уезжают из деревни.

Они поселились здесь ровно 20 лет назад. Со всего Советского Союза съехались комсомольцы, чтобы возродить Нечерноземье, воспитать детей, посадить яблоневые сады и построить коммунизм. Получилось не все.

В деревенском клубе холодно и тихо. Таисия Павлова поднимается в кинобудку и кричит: «Надька, дверь закрой, я стартую!» Надька, она же Надежда Иванова, мать двоих взрослых сыновей и по совместительству директор Дома культуры, ворчит: «Ишь, раскомандовалась, посмотрите на нее», но дверь закрывает. Садится в первый ряд и дает команду: «Поехали, подруга». Гаснет свет. На экране появляются титры черно-белого документального фильма «К земле возвращается хозяин».

«Благодаря известной всем советским людям “Программе-100” в Орловской области поднимают сельское хозяйство, — говорит диктор. — Сотни домов построены во многих районах, проведены дороги, газ, канализация. Зброшенные деревни оживают... Особой гордостью перестройки орловчане по праву считают поселок Жилино, который строители возвели за 18 месяцев».

«Нас показывают», — объясняет Надежда. Она смотрела этот фильм много раз, но до сих пор волнуется, когда видит свою улицу с тогда еще тоненькими саженцами вдоль заборов. Как же они с мужем ликовали, получив ключи от небольшого коттеджа! Бегали из комнаты в комнату и непонятно кого спрашивали: «Это наше? Все наше?»

В 1987 году о необычном поселке написали в газете «Правда», даже по телевидению бросили клич: «Приезжайте в Жилино!» Тысячи писем приходили директору совхоза, и все начинались одинаково: «Выбираю деревню на жительство. Примете?» Принимали не всех. Претендентам устроили серьезный конкурс, и персональные приглашения на переезд получали только самые квалифицированные специалисты. Еще одним условием был возраст претендентов — до 28 лет. Совхозу были нужны сильные и перспективные кадры.

Такая радость, такое счастье

— Представляете, что это такое — собрать в одном месте полтыщи молодежи? — смеется Надежда. — Ох и гудели мы тут. Нас так и называли — «сучья деревня».

Таисия тоже вступает в разговор. Она приехала сюда с Украины с мужем и двумя детьми. Муж, который до этого вел себя весьма благопристойно в маленьком селе, в Жилино вдруг ошалел. Хрупкая мужская психика не выдержала такого обилия красавиц на один квадратный метр — ушел муж к другой. А супруг «другой», в свою очередь, тоже сбежал в новую семью. Но и Таисия внакладе не осталась — сошлась с трактористом. В тот первый год многие, даже самые благонадежные комсомольцы, разводились. Начальство ничего не могло поделать с этой рокировкой — то и дело кто-то переезжал из синего котеджа в зеленый, то и дело кто-то тащил вещи с улицы Строителей на Минаева, с Минаева на Лесную.

А вот директору школы Татьяне Ильиновой удалось сохранить семью в нестабильной обстановке. Поэтому в ее воспоминаниях молодое Жилино предстает раем на земле: «Все мы, переселенцы, сразу сдружились. Гуляли вместе на свадьбах, отмечали рождение детей, становились кумовьями. Поселок весь играл, такой красивый, современный. Делегации к нам приезжали — с Кубы, из Америки, соцстраны все. Мы были образцово-показательными. Гордились своими домами, своей работой. Такая радость была, такое счастье. Что и говорить — мы до сих пор очень близки».

Татьяна начинает перечислять, кто откуда приехал: «Листьевы, что напротив нас живут, — из Казахстана. Леоновы — из Сибири. Булавкины — из Иванова, они до сих пор окают. Я Васильевне так и говорю: “Тебе бы, дорогая, диктанты у нас в школе проводить: как скажешь «корова» — ни один школьник не ошибется”. Татьяна жалеет, что Советский Союз развалился: «Мы, учителя, кое-как удержались на плаву, а вот колхозникам туго пришлось. Если бы не это, то поселок наш сейчас, может, в два раза больше был бы. Строили бы новые дома, увеличивали бы надой, радовались. Но количество жителей за эти годы не увеличилось. Как было семьсот, так и осталось. То на то и вышло».

Двадцать лет назад, когда на открытие поселка приезжал Михаил Горбачев, именно дочь Татьяны, юная школьница с белыми бантами, вручала ему цветы. Сейчас Оксана Хакимова преподает французский язык в той самой жилинской школе. Живет вместе с мужем и сыном неподалеку. «Я бы хотела, чтобы Михаил Сергеевич снова приехал к нам, — улы-

бается она. — Уж цветы для него мы бы точно нашли. Мы приглашали его, но он не ответил. Вы уж там напишите ему, пусть приезжает. Посмотрит, что тут изменилось за 20 лет».

Наши бабки

За эти годы поселок практически не изменился внешне. Та же школа с теми же рисунками «В добрый путь!» на стенах. Та же библиотека, три многоквартирные трехэтажки и три улицы с домами усадебного типа. Разве что ресторан закрыли — никто в него уже не ходит. И деревья стали большими.

Детский сад тоже на месте. Вот только вместо сотни сейчас там всего 14 детишек — поселок постарел, молодежь перебирается в город. В Жилино работы нет — хозяйство давно признали банкротом, возродить Нечерноземье не получилось. В общем-то Жилино вернулось к тому, с чего начинало: обычная деревня России, в которой доживают свой век старики.

— Нас теперь бабками называют, — усмехается Надежда Иванова. — Так странно... Недавно готовили концерт к юбилею поселка, и, слышу, молодые парни шепчутся: «Опять на сцену наши бабки попрутся». А раньше, в наши годы, какая самодеятельность была! Конкурсы всякие придумывали, идеями фонтанировали, планы строили... Потом — пшик! Накрылся наш энтузиазм медным тазом. В кино никого нельзя уговорить прийти, все по домам как сычи сидят. Фермы совхозные закрыли, коров продали, свиной на мясо пустили. А овцы? Какие овцы у нас племенные были, медали всегда брали. Эх...

Односельчане, правда, считают, что Надежде грех жаловаться — ее семья одна из немногих, кому удалось вписаться в новую экономику. Глава семейства, Юрий, стал фермером, имеет немного земли, у него с десяток своих рабочих. Но Ивановы утверждают, что дела идут не очень хорошо — закупочная цена у зерна низкая, в этом году, например, выгодно продать его не удалось. Так что сидят теперь, ждут, может, что изменится. «Приличный комбайн стоит 10 миллионов. Это сколько ж зерна надо продать, вы представляете? Поэтому латаем ту технику, что с советских времен осталась. А что будет дальше — не знаем».

Два года назад рядом с поселком открылась частная птицефабрика. Кардинально ситуацию с трудоустройством она не изменила — всего 50 рабочих туда приняли. Но фабрику с гордостью показывают всем гостям — вот, мол, и у нас кое-что производят. Не совсем пропащие мы. Недавно

Егор Строев, инициатор той самой «Программы-100», приезжал, так его тоже к курочкам отвели. Неизвестно только, понял ли губернатор, что курочки обитают в бывших коровниках, в тех самых, на которые в советское время он возлагал такие большие надежды. Но людям платят на птицефабрике по 6 тысяч, и это уже предмет для гордости.

Все остальные работоспособные жители поселка уезжают в Москву, на заработки. Работают в охране, даже женщины. Бизнес этот считается прибыльным: за две недели столичной вахты получают жилинцы по 15 тысяч рублей. С этими деньгами возвращаются домой, к семьям, а через две недели — снова в Москву. Бывает, что уезжают оба родителя и младших детей оставляют на старших, подростков. А что делать?.. Но коттеджи свои никто продавать не торопится — все-таки жилье это считается комфортным, все удобства, вода горячая даже имеется, спасибо СССР. «Даст Бог, дети в городе смогут устроиться, — говорят, — а мы уж тут как-нибудь дотянем». Дотянуть до пенсии — мечта почти всех жилинцев. Тогда можно будет спокойно собирать грибы и наслаждаться рыбалкой — места тут красивые, воздух чистый, если не считать птицефабрику. Что еще человеку нужно на закате жизни?

Вот оно и пролетело

Итак, Таисия крутит старое кино, а Надежда комментирует: «Смотрите, смотрите, Горбачев в магазин наш зашел... Валька! Вон Валька наша за прилавком, колпак напялила. Ох, помню, колбасы в магазин привезли, масла, всего. Потом сложили все опять в коробки — и назад, в Орел. Но я успела урвать филе трески». Очень тогда областные власти в показухе преуспели. В детский сад даже аквариум с рыбками откуда-то притащили, это в ноябре-то. Как только Горбачев уехал — уехали и рыбки. Но кое-что осталось. Например, ковры в Доме культуры. И шкафчик в фельдшерско-акушерском пункте».

Глава сельского поселения Александр Жульков нервничает: «Ну вы этих не больно-то слушайте. Мало ли что раньше было. У нас и сейчас достижения имеются. Нам, например, удалось сохранить всю социальную сферу. Мы создали новое коммунальное предприятие, так что в домах по-прежнему тепло, все в порядке». Александр Сергеевич протягивает нам несколько бумажных листков — речь, которую он произнес накануне во время заседания по случаю празднования юбилея поселка: «Двадцать лет — много это или мало? Для человеческой жизни — много, а для истории — мгновение. Вот оно и пролетело... Люди уверены в завтрашнем дне,

в стабильности страны, в том курсе, который обозначил президент и политическая партия “Единая Россия”».

«Тихо вы!» — грозит нам Надежда, и мы выходим на улицу, чтобы не мешать. А они остаются: две женщины, Надя и Таисия. Две подруги в пустом кинозале сидят, прижавшись друг к дружке, и слушают Горбачева, который сообщает: «Пошли дела. И мы это почувствовали». Они, эти двое, вскрикивают, когда узнают знакомых, тех, кто остался, и тех, кто уехал. Вспоминают свои мечты и свое счастье. Улыбаются, глядя на свою молодость.

*Жилино, Орловская область — Москва
Январь 2007 года*

ЧОКНУТЫЙ ШВЕЙЦАРЕЦ

Инженер Йорг Дусс (на фото) десять лет назад приехал в Тарусу — и остался навсегда. Все это время он пытается изменить жизнь к лучшему, заслужив сложносоставную репутацию «кормильца» и «попрошайки». Однако главное он уже сделал: теперь Тарусскому району помогает вся родная деревня Йорга.

В 97-м году тихий и маленький городок Таруса лихорадило: «Слышали? К нам приехал чокнутый швейцарец!» Чокнутый вроде как прибыл в командировку, должен был заниматься отладкой швейцарских деревообрабатывающих станков, но помимо основной работы он еще ходил по улицам и собирал мусор. За ним с улюлюканьем бегала толпа ребятишек. Старушки крестились: «Свят-свят». Чиновники из администрации волновались: «Что он ищет?» В общем, визит инопланетян произвел бы на местное население меньшее впечатление, чем странный парень Йорг Дусс, который хотел навести в Тарусе порядок.

— Мое первое впечатление от России — шок, — говорит Йорг. — Я не подозревал, что люди могут так бедно и грязно жить. Я попал не просто в другую страну — в другой мир. На всю Тарусу был один компьютер — в Сбербанке. На телеграфе у меня спрашивали, куда я хочу позвонить и какой номер нужен. Я жестами показывал — у меня есть деньги, пустите к телефону, но почему-то это было невозможно. Ужас.

Поселили гостя в общежитии профтехучилища. Лишней кровати не было, так что полтора года заморский специалист спал на полу. Зато комната была отдельная, без соседей: «Только ночью крысы иногда заходили». С едой тоже была напряженка: в столовой, кроме картошки и чая,

ничем не угощали. Переводчика не предоставили, хотя и обещали. В общем, через три дня картофельного поста Йорг решил сходить в местный продуктовый магазин. Он, наивная душа, надеялся, что продавщица сразу к нему подскочит с улыбкой: «Чего изволите?» — и тогда он покажет пальцем на витрину. Но продавщица угрюмо читала в углу книгу и на посетителя никакого внимания не обращала. Йорг помялся, повздыхал да и вернулся в общежитие. Там ему весело объяснили: «Это тебе не Швейцария. Тут ты сам должен крутиться, чтобы добыть пищу». На следующий день Йорг отправился в магазин подготовленным — выучил фразу «Дайте, пожалуйста, хлеб». Но работница торговли так на него рявкнула из-за своей Донцовой, что он снова в ужасе убежал. Потом выяснилось, что она всего лишь спросила: «Черный или белый?»

Но потихоньку Йорг пообвык. Похудел, научился мыться в тазике, сработался с коллективом и уже через пару месяцев вполне сносно изъяснялся матом. «Эй, сука, дай, мать твою за ногу, хлеба, пожалуйста», — вежливо улыбался он в магазине. «Здорова, п...с!» — приветствовал он начальство. А потом недоумевал: «Почему Петр Иванович обиделся? Его же все так называют». Коллеги хохотали и хлопали Йорга по плечу: «Наш парень!»

«Я так кушать хочу»

Своих действий по благоустройству города Йорг никогда не прекращал. Старался по мере сил, чтобы вокруг было чисто, спокойно и сыто. Как дома. Подметал улицы, организовал бесплатный клуб бальных танцев (умеет, да), устраивал для детишек из профтехучилища, среди которых большинство были сиротами, праздники — с лимонадом и тортами. «Я долго жил здесь, как обычный русский человек, на тех же условиях. Поэтому узнал все проблемы изнутри и помогал, как мог». Однажды он заметил, как бабушка покупала половинку буханки хлеба. Развернула носовой платочек и начала пересчитывать копейки. Не хватило. Бабушка ушла, а Йорг, быстро набив сумку продуктами, помчался за ней. Догнал, что называется в темном переулке, и сказал: «Я вас не знаю, вы меня не знаете, поэтому никому не будет стыдно. Возьмите вот этот пакет с едой. Это подарок». Старушка расплакалась: «Сыночек, я так кушать хочу».

В конце концов Йорг взял под опеку несколько стариков. Но личных средств и времени не хватало, поэтому он решил сделать благотворительную деятельность своим основным занятием и организовал фонд «Радуга Тарусы». Фонд — это, конечно, громко сказано. Просто однажды, съездив

в отпуск в свою родную швейцарскую деревню, Йорг рассказал землякам, как плохо живут русские. О том, что в ста километрах от Москвы люди зарабатывают так мало, что не могут даже полностью оплатить коммунальные услуги. Рассказал о детях, которые едят через день, потому что родителей интересует только водка. О покинутых стариках, которые лежат в домах престарелых на мокрых простынях, потому что персонала не хватает, а о памперсах для взрослых никто и не слышал. О матерях-одиночках с зарплатой полторы тысячи рублей, треть из которой им приходится отдавать за детский сад.

Услышанное так тронуло швейцарцев, что на общем собрании они решили поучаствовать в спасении россиян. Так швейцарская деревня Пфеффикон с населением в 700 человек стала «спонсором» Тарусского района в 16 тысяч жителей. Ничего особенного они не делают — просто группа пенсионеров и прочих сочувствующих, кого Йоргу удалось разжалобить, помаленьку скидываются и помогают детским домам в Тарусском районе, дому престарелых, одиноким старикам, малоимущим. Построили детский сад в селе, восстановили три фельдшерско-акушерских пункта. Два раза в день обеспечивают питанием десять сельских школ и два садика — пусть хоть там дети едят, раз уж дома ничего нет. Покупают одежду, игрушки, медицинское оборудование в районную больницу.

Йорга выбрали президентом фонда и назначили ему скромную зарплату: «В Швейцарии на эти деньги не проживешь, а в России ничего, можно». За каждый евро Йорг отчитывается, составляет ведомости. Перед Рождеством арендует в Пфеффиконе спортивный зал, собирает своих благотворителей и рассказывает, что удалось сделать в этом году. Туда же он привозит поделки российских детей, которые продаются на аукционе.

В тарусском филиале фонда всего четыре работника: президент, бухгалтер Юлия Терехова, социальный педагог Лидия Стародубцева и водитель Сергей Евгеньевич Климов, по совместительству тесть президента. Работают дружно, без конфликтов, если не считать редких взрывов водителя: «Не будь он мне родственником, давно бы ушел на другие деньги».

В Тарусе Йорг женился, да. «Когда выходила за него — думала, наиграется он в благотворительность и бросит, — говорит жена Татьяна. — Но вот уже десять лет прошло, а он все никак не успокоится». Татьяна не верит, что муж может что-то изменить в России. Ну накормит он ребятишек, подарит им кукол, которых им никто купить не может, и что? Они вырастут и станут такими же алкашами, как их родители. Бесперспективняк.

«Слишком русская», — говорит о жене Йорг. Не понимает пока Татьяна Дусс, что каких-то глобальных целей ее супруг перед собой и не

ставит. Он знает, что вся его деятельность — яркий пример швейцарской поговорки «Капля воды на раскаленный камень», но упорно продолжает делать свое дело. Пусть капля, но зато сегодня дети не пойдут домой голодными. Бабушка, которой надо наносить воды и нарубить дров для стирки, придет в прачечную фонда и постирает свои вещи. Инвалид, у которого мерзнут ноги, наденет новые ботинки на меху. Школьники, которые не могут своим ходом добраться из села на экзамен, придут туда на машине. Вроде небольшая услуга, а все-таки полегче жить.

« Попрошайка швейцарская! »

— Сейчас уже труднее стало собирать средства, — вздыхает Йорг. — Десять лет назад Россию все жалели, а теперь, бывает, негодуют. Ко мне подходят люди и говорят: «Йорг, у нас так много пишут о русских олигархах, так почему же Абрамович не помогает детям своей страны? Разве это не странно, что я, пенсионер, отдаю двадцать евро, чтобы купить макароны в сельскую школу, а богатые русские тратят свои деньги на шикарные яхты?» Йорг не знает, что ответить. Он сам много раз обращался за помощью к российским предпринимателям, но все ему отказывали. Один даже с лестницы спустил. «Они не виноваты, — пытается господин Дусс найти оправдание. — И хоть мы просим не миллионы, все равно тяжело изменить менталитет. В Швейцарии много лет все спокойно, поэтому люди привыкли заниматься благотворительностью. А русские еще не наелись досьята, еще слишком сосредоточены на себе и своих нуждах. Некоторые просто нам не доверяют. Психология такая — если сам ворует, то не веришь, что другие не прикарманят денежки. Но подождите, придет срок — и в России люди поймут, что, заботясь о ближнем, они заботятся о себе. Ведь это прекрасная схема: сегодня ты кому-то помог, а завтра, случись что, помогут тебе.

Время от времени совсем уж вопиющие случаи и Йорга приводят в ужас. Недавно он обратился за помощью к владельцу одного хозяйственного магазина. Попросил три пластиковых ведра с крышками для столовой детского сада. Был уверен, что хозяин ему не откажет — ведь его ребенок только что окончил этот самый садик, где питался именно за счет «Радуги Тарусы». Но в ответ услышал: «Да пошел ты к черту, попрошайка швейцарская!» Директор другого предприятия пожалел для школы кусочек гудрона — крышу надо было залатать. Учителя удивились: «Мы же знаем — у него полный склад этого гудрона. Как так можно?»

Но встречаются и другие люди. Иногда фонд дает объявления в местную газету о сборе одежды для малоимущих, и очень многие жители Тарусы на этот призыв откликаются. Как правило, это не олигархи. Одна бабушка, у которой пенсия 900 рублей, принесла в «Радугу» 40 рублей — «для деток». Даже стыдно было брать. Но Йорг не отказал пожилой женщине. Потому что после этого пожертвования она чувствует себя нужным, важным для общества человеком. «Это круто, — говорит Йорг, — помогать тем, кто не может помочь себе сам. Я в России смысл жизни нашел. Вот жил бы я в Швейцарии, и что? Работал бы на дядю и радовался, если бы он очередной «мерседес» себе купил? А так я что-то меняю здесь. Вот приехал сегодня в школу, увидел, что дети сыты — и большего удовольствия мне не надо. Это и есть настоящий кайф».

За Путина — в драку

«Кормилец и поилец наш! — с улыбкой встречает Йорга директор вознесенской школы Елена Торосян. — От наших не допросишься ничего, а чужие люди вон как помогают». Дети тоже очень хорошо знают Йорга, он тут частый гость. Именно Йорг решил устроить при школах огороды — свои овощи еще никому не мешали. Сначала все думали, что это пустая затея, и отлынивали кто как мог. Но когда фонд решил устроить конкурсы на лучший пришкольный участок — засуетились. В прошлом году вознесенская школа как раз была победителем, и помимо улучшения рациона школьники получили новый телевизор. «Русские — не шустрые, — объясняет Йорг. — Они привыкли смиряться с судьбой, делать только то, что им скажут. Поэтому приходится пока что подбрасывать им идеи. Как с этими огородами. Вот за что я коммунизм ненавижу, так это за то, что людей искалечили. Непробивные, пассивные все. Очень много времени надо, чтобы перевоспитались».

Но все равно свою новую родину Йорг очень любит и уезжать отсюда не намерен. Когда говорит о России — волнуется и потому вещает с сильным акцентом: «Я ваш страна очн уважаю. Природа богатая, красиво, много земли. А перед ваш президент я ваще шлапу снимаю». Очень Йорг Владимира Владимировича уважает. Потому что считает, что при его правлении народ стал жить лучше, чем в девяностых. Если раньше надо было помогать всем, то сейчас только пенсионерам, инвалидам и многодетным. Учителям и врачам подняли зарплату. Увеличили пенсии. На питание детей в школах стали выделять по 1 руб. 52 коп. Это для Йорга существенная помощь. Правда, чиновников всех рангов он ненавидит:

«Козлы, а не люди. Большие денги и у нас в Тарусе отмывают, я знаю, у меня Таня юрист в администрации, видит все. И там, наверно, наверху, то же самое». Но в Путина верит. В Швейцарии из-за него чуть не подрался. Какие-то знакомые, начитавшись швейцарских газет, стали утверждать, что Путин диктатор. Но Йорг за кумира стоял грудью: «Какой диктатор? Что он мне диктует? Он спаситель!»

«Йорг, а ты не спаситель?» — спрашиваем мы его. Йорг ведет машину и улыбается: «Чут-чут. У меня обычный жизнь. Тока одна мечта — встреча с Путиным. Сплю и вижу. Он тоже хочет помогать Россия, как и я. Он болший Дон Кихот, чем я. Если встречу — буду благодарит его».

А пока, раз уж визита президента в Тарусу не ожидается, Йорг занимается своими обычными делами: утром, подпрыгивая на ухабах, развозит по столовым продукты, днем тащит гудрон на крышу и передает в детский сад подарки от читателей «Огонька», вечером убаюкивает свою младшую дочку Вивьен и рассказывает швейцарские сказки старшей дочери Настеньке. Жизнь как жизнь.

*Таруса — Москва
Май 2007 года*

ЧУМРАБОТНИЦА

Ей 40 лет, она любит красивую одежду, сериал про Пуаро и мороженое. Она отказывается фотографироваться прежде, чем накрасит губы. Она просит включить кондиционер по сильнее и спрашивает, есть ли у меня в номере горячая вода. Ее зовут Айталина Баишева, она — чумработница. Помощница оленевода, которая занимается домашним хозяйством. Есть в России и такая специальность, которую записывают в трудовые книжки.

Вместе с мужем Айталина кочует по тундре двадцать два года. Точнее — по горно-таежной зоне Республики Саха. В Якутск Айталина приехала вместе с дочерью, которая планирует поступать в университет. «У нас такой закон: девочками жена занимается, сыновьями — муж».

«В цивилизации» ей нравится — кино, мороженое, далее по списку. Но по дому уже скучает. «А дом — это что?» — интересуюсь осторожно. Айталина смеется: «Дом — это тайга. Реки. Пастбища. Мы строго по фэншуй живем: меняем обстановку каждые пять дней. Собираемся быстро, упаковываем все, садимся на ездовых оленей — и вперед. Красота, правда? Ну, каждую неделю на новое место переезжать?»

Что женщине нужно?

Не все жительницы Якутии разделяют оптимизм Айтилины. «Девушки наши сейчас все больше в города рвутся, — объясняет ситуацию Августа Марфусалова, член координационного совета Ассоциации коренных малочисленных народов Севера. — Если в парнях все еще есть дух охотников и стремление жить на природе, то для женщин главное — социальное обустройство семьи. Дом чтобы был свой, постоянный. Занавесочки на окнах, фикус там, сервиз чайный. Стабильности девушки хотят. А при кочевом образе жизни какая стабильность? В общем, до того дошло, что сейчас 70 процентов молодых оленеводов в Якутии — холостые. Ну нет для них невест, нет. Раньше ведь как было? Старики заставляли замуж выходить за кого надо, а теперь у нас права человека... Вот девушки свободу и почуяли, хвостами завиляли».

Григорий, старший сын Айтилины, тоже не женат, и неизвестно, найдется ли когда-нибудь для него подходящая супруга. Пока что он вместе с отцом занимается «оленьями» и старается не думать о любви. Хотя кто-ж его поймет, о чем он там на самом деле думает. В одном Айтилина уверена точно: Гриша мог бы стать отличным мужем, потому что вырос в благополучной семье и знает, как надо ухаживать за женщиной — отец хорошим примером был.

«А как за вами муж ухаживает?» — спрашиваю. Айтилина расцветает: «Знаете, какое у нас свадебное путешествие было? У-у-у-у! От Тополиного, от поселка нашего, за 400 километров на вертолете улетели. И Вениамин сразу убил для меня снежного барана. Сам его освежевал, приготовил. Не я, а он костер развел, мясо зажарил. Представляете? Романтический ужин был у нас... А еще, помню, как-то принес подснежники. По молодости».

На этом романтика закончилась. «Мы не шибко друг друга подарками балуем». День рождения Айтилины в начале мая, в это время они вместе со стадом находятся в тайге, так что ни разу еще Айтилина свой день рождения не отмечала. Но она не в обиде: «Нет у нас такого, как в фильмах: чтобы кофе в постель подавать и поцелуечики там всякие. У нас северному, скромно. Скажет муж утром: “Поздравляю” — и в стадо уходит. Обычный день, рабочий».

Но мужа Айтилина все равно обожает. «Счастье мое в том, что полюбила я правильного человека на всю жизнь». В тайге с Вениамином не страшно, он очень надежный. Настоящий эвен — очень мало говорит, но очень много работает. С ним у нее всегда есть мясо и дрова. И поводов для ревности муж не дает. К кому ревновать, если на сотни километров вокруг ни одной живой души? Еда и верность — что еще женщине нужно?

Тепло, свет, Малахов

Обычный день чумработницы начинается на рассвете. Надо встать раньше всех и приготовить завтрак. То есть для начала подоить важенок — оленьих самок. Каждая оленуха дает не более двухсот миллилитров молока, а для керчаха — национального блюда (что-то типа йогурта) — необходимо четыре литра. Вот и считай. Затем надо сходить к горной реке за водой, разжечь костер, вскипятить чай, пожарить рыбу.

После завтрака мужчины уходят на работу, а Айталинка начинает печь хлеб и готовить обед. Меню особым разнообразием не отличается — много продуктов с собой возить кочевники не могут. Мука, гречка, рис, чай, табак, соль и сахар — вот, пожалуй, и все. Так что обед предсказуем: суп с оленьим мясом и каша.

В три часа Айталинка выходит по радию на связь с «центром». Узнает прогноз погоды, рассказывает новости — это тоже обязанность чумработницы. Затем стирает белье (вода из реки, костер, ведра). И только после этого она наконец может отдохнуть. Идет рыбачить. Наслаждаться. «И не скучно вам?» — удивляюсь. Айталинка не понимает вопроса. Это же очень интересно — сидеть на берегу, курить, смотреть на воду, отгонять комаров. А то и книжку можно почитать. Оленеводы — очень начитанный народ. Библиотеку с собой в тайгу, конечно, не потащишь, но несколько книг Донцовой всегда имеется. Их можно по нескольку раз прочесть, потому что с первого раза не всегда и понятно.

Телевизор Айталинка смотрит несколько раз в году, когда приезжает в Тополиное. Там у них с Вениамином есть благоустроенная квартира. «Тепло, свет, Малахов с Лолитой — все удобства. Но посижу я недельку в четырех стенах, и все. В тайгу тянет». А в тайге электричество никому и не нужно: «Времени нет на все эти телевизоры». И потом, потаскай за собой генератор попробуй.

Айталинка знает, кто президент в России («Ельцин?»). Еще она знает, что Америка бомбила какую-то там страну и что Пугачева развелась с Киркоровым. Большого ей и не надо. Есть новости и поважнее: олененок новый в стаде родился, пожар в тайге начался, пушнину пора сдавать, сети прохудились.

Есть у Айталины и чумсоседи. Чтобы ухаживать за стадом в две тысячи оленей, необходимы две-три семьи. Так что у Баишевых семейный подряд: муж Вениамин — бригадир, зять, племянник и сын — простые оленеводы плюс две сестры. Не соскучишься. А на лето из интерната приезжают дети, совсем весело становится. Девочек можно попросить приготовить ужин, и тогда рыбаць хоть до самых сумерек.

Ссориться оленеводам никак нельзя. Если один чум объявит бойкот другому, то они и погибнуть в тайге могут. Приходится держаться всем вместе, помогать друг дружке. Стычки по мелочам, конечно, бывают, но все придерживаются железного правила: конфликт должен быть разрешен до заката. Иначе за этими разборками не заметишь, как олени разбегутся, суп выкипит и рыба не будет наловлена. А голодать никому не хочется.

Чумовая любовь

Своя лав-стори у оленеводов тоже имеется. Александра Лаврилье, французенка, окончившая Сорбонну, как-то приехала в Якутию изучать быт кочевых семей, да так и осталась. Вышла замуж за простого эвенкийского охотника Пашу Васильева и родила дочь Надежду Васильеву-Лаврилье. Паше все мужчины завидуют: редко кому из оленеводов удастся жениться вообще, а тут такую барышню отхватил, «омуку» — женщину из дальнего народа. И до чего трудолюбивая попалась: и унты шить научилась, и шкуры обрабатывать, и чум ставить, и за оленями много километров идет, не ропщет. Свой человек.

О такой невестке мечтает Айталина. Надеется, что, может, и к ним в тайгу приедет какая-нибудь девушка диссертацию писать, а там, глядишь, влюбится в Григория. Потому что свои, поселковые, девицы на кочевых женихов и смотреть не хотят. Те на праздниках к ним и так подкапывают, и эдак, но девушки только смеются. Не понимают, глупые, что теряют. Не хотят улетать на вертолете в первобытную тишину. К подснежникам, керчаку и вечной верности. К женскому счастью.

*Якутск — Москва
Июль 2007 года*

«ЗДРАВСТВУЙТЕ! Я — ИВАН»

История про то, как одно российское село отказалось принять переселенцев из Грузии — и проиграло, а другое согласилось — и выиграло.

В конце мая Старокленское Тамбовской области лихорадило. «Слышали? — возмущались старушки возле сельпо. — К нам едут грузины! По программе этой... переселенцев. Путин прислал их, короче. Дома они наши отнимут, короче».

К вечеру грузины таинственным образом превратились в курдов, которые у старокленцев не только дома отнимут, но и самих их зарежут. Храм снесут, детей воспитают в своей вере, поднимут восстание и захватят сначала Тамбовскую область, а потом и всю Россию-матушку. На следующее утро курды стали «черными», а к обеду — просто «неграми». В общем, к встрече мигрантов местное население хорошо подготовилось. И когда в село прибыла официальная делегация от области и района, разъяснительная работа уже никому не требовалась.

Заместитель губернатора попробовал было на собрании в клубе рассказать о государственной программе, начал тожественно: «Тамбовская область в числе 11 регионов России стала участником программы по содействию переселению соотечественников из-за рубежа. Поддержав инициативу президента России, около 700 семей из Закавказья отправляются на постоянное место жительства в наши края», но закончить ему не дали. «Пусть проваливают! — закричали из зала. — Не нужны нам никакие переселенцы. Мы все знаем. Вы смерти нашей хотите. Отобрать наши рабочие места хотите. Африканцам продались!» Заместитель растерялся: «Какие африканцы? Русские к вам едут, русские из Грузии. Вам самим же легче станет. Село ведь вымирает, смертность в два раза превышает рождаемость, работать некому». Но слова его потонули в возмущенном гуле. Кто-то грозился поднять гостей на вилы, кто-то — сжечь школу, в которой их планировали на время разместить, кто-то, наиболее толерантный, всего лишь обещал набить «мигрантские морды, чтоб другим неповадно было».

Растерялась официальная делегация. К такому повороту событий никто не был готов. Думали, все пройдет, как обычно: начальство даст отмашку и сельские согласно закивают. А тут почти пугачевский бунт. Что делать? Переселение проходит по инициативе президента, первая группа граждан Грузии прибывает завтра. И куда их теперь, спрашивается, девать? В районе всего одно сельскохозяйственное предприятие, способное предоставить рабочие места в таком количестве. И оно находится рядом со Старокленским. Других вариантов нет.

«Пусть люди приезжают»

И тогда глава района вспомнил про соседний населенный пункт. Село Малый Снежеток. Всего каких-то три километра пути, но, может, революционные настроения туда не добрались? Чиновники быстро погрузились в машины и под радостные крики «Победа! Победа!» удалились.

Малый Снежеток действительно был мал. Ни тебе сельсовета, ни асфальтированных улиц — с околицы в центр люди даже на выборы отказывались ходить, опасаясь увязнуть в грязи. В школе всего несколько детей, доучивавшихся последний год, — в сентябре бесперспективное учебное учреждение планировалось закрыть. Но именно в школу приехало взволнованное начальство. «Наталья Николаевна, выручайте! — кинулся к директору глава района. — К нам завтра первая партия переселенцев приезжает, 76 человек, а размещать их негде. Старокленцы не пускают!» Наталья Николаевна Искусных тоже слышала о таинственных негро-курдах, прекрасно зная, что в Снежетке им рады точно так же, как и в соседнем селе. И уж конечно она могла бы грудью закрыть свои два класса и десять парт: «Не пущу!» Но она улыбнулась: «Конечно. Пусть люди приезжают, сделаем все, что нужно». Она открыла дверь, понимая, что с этой минуты стала главным врагом для односельчан.

Уже сейчас, комментируя «Огоньку» те события, она объясняет причину своего поступка: «Я сама приехала в Первомайский район из Казахстана еще в конце 80-х. А как было не приехать, если сын-первоклассник один раз пришел из школы с синяком, второй раз? «Мама, меня казахи бьют». Подумали мы с мужем, посмотрели, что вокруг творится после распада СССР, и решили ехать в Россию, сюда, к его матери». Несладко пришлось Наталье Николаевне в Снежетке первое время. Свекровь и свекор, не выдержав визга и хохота двоих детей, быстро отселили молодую семью в общежитие. Селяне относились к училке с подозрением: не так ходит, не так сидит, не так огород пропальвает. А когда она, исполняя учительский долг, стала ходить по дворам, чтобы познакомиться с родителями школьников, ее даже на порог не пускали: «Что надо? Проверить, есть ли у моего сына уголок для занятий? Ты сначала свой угол займем. Ишь, понаехали и командуют!»

В общем, о тамбовском гостеприимстве Наталья Искусных знала не понаслышке. Чужаков тут не жалуют. Но также она знала, что если дать людям время, если вести себя порядочно, то рано или поздно они признают тебя своим. Поэтому и решила помочь переселенцам. «Я просто поставила себя на их место. Там у них уже ничего нет, тут еще ничего нет. И так страшно и тяжело, да еще свои же соотечественники не принимают. Ну как можно отвернуться от такой беды?»

В этот же вечер МЧС доставило в школу кровати, матрасы, тумбочки. На улице установили туалеты. Снежетковцы, привлеченные шумом, стали собираться у ворот. На открытый бунт никто не решился — уж слишком много вокруг было «военных». Но небольшой митинг все же устроили: «Вот старокленский директор какой молодец — не пустил приез-

жих в свою школу. А наша, дура, согласилась. Подставила». Даже учительский коллектив превратился в оппозицию: «Наталья Николаевна, вы что натворили? Они ж нам все помещения загадят. Шутка ли — 70 здоровых мужиков. А может, они больные?» Ничего не отвечала Наталья Николаевна, молча работала — до двух часов ночи помогала расставлять кровати, натягивала наволочки на подушки, переносила цветы и методические материалы в учительскую. Нервничала. Думала: «Ну, переселенцы, если подведете, не жить мне больше в Малом Снежетке. Сживут со свету вместе с вами».

«Вот тебе и негры!»

В Тамбовскую область ехали не простые русские грузины — духоборы. Их предков еще во времена царской России из Тамбовской губернии переселили в Грузию, посчитав, что этих христиан-протестантов надо держать подалеже от православных. Лев Толстой, разделяющий основные положения доктрины духоборов, пытался воспротивиться такому безобразию, но кто ж его слушал. Но и за многие годы изгнания духоборам удалось сохранить свой язык и культуру. Они практически не заключали браков с грузинами и армянами, которых в Ниноцминдском районе Грузии тоже предостаточно. Держались особняком, разводили коров, торговали молоком и сыром. Детей отдавали в русские школы, читали русские книги. Даже названия своим поселениям давали в честь тех сел, где жили раньше. Все граждане Грузии, прибывшие в Малый Снежеток, были из села Гореловка. Каждый поздоровался с Натальей Николаевной за руку: «Здравствуйте, я — Иван», «Здравствуйте, я — Петр», «Очень приятно, Владимир». Директор рассмеялась: «Вот тебе и негры!»

Удивительно, но руководителем духоборской общины оказалась женщина, Татьяна Чучмаева. Авторитет ее был безоговорочным. Сказала, что надо вести себя тихо, — никто даже не пикнул. Поужинали быстро и спать легли. На следующий день попросили две косы и привели в порядок заросший стадион. Назначили дежурных, которые каждое утро вымывали всю школу до блеска. Познакомились с местными, которые, услышав их чистую русскую речь, офигели. А уж когда духоборы организовали товарищеский футбольный матч Малый Снежеток — Грузия, и вовсе расслабились. Тем более что сам счет — 4 : 4 — подсказывал, что жить надо дружно.

Конечно, недовольных в селе все еще было много. Люди шептались уже не о неграх, а об иноверцах: «Своих сектантов, что ли, мало. Зачем

чужих привезли?» Но время шло. Переселенцы не пили, не сквернословили, не дебоширили. Вели себя со всеми приветливо, охотно демонстрировали фотографии семей, которые остались в Грузии дожидаться, «пока папки устроятся». Стали работать в садах ООО «Снежеток», и хорошо работать. Гораздо лучше, чем прежние наемные рабочие — таджики и узбеки. Отремонтировали общежитие и переехали туда, оставив школу в чистоте. В общем, оказались, люди как люди. Наталья Николаевна после месячного перерыва даже рискнула появиться в магазине. И никто ее за волосы не оттаскал, хотя до этого грозились.

«Папочка, любимый, забери нас»

Власти позволили переселенцам выбрать любой участок земли, где может быть возведен «поселок с современным уровнем комфорта». Так на краю села появился район Новый. На каждую семью было выделено по 40 соток земли, началось строительство жилья. К Новому году уже будут стоять первые 40 домов, всего их планируется возвести около 200. Глава района, Константин Петров, считает, что с заработком минимум в 10 тысяч рублей люди вполне смогут получить кредит до миллиона рублей в Сбербанке на приобретение небольшого сборного дома по цене от 6 до 15 тысяч рублей за квадратный метр. Особенно если еще учесть программные субсидии, выплаты и компенсации. В поселке планируется построить фельдшерско-акушерский пункт, магазин, социальный дом для престарелых и одиноких. В Снежеток уже провели газ, водопровод, новые дороги. Даже школу решили не закрывать — ведь столько детей появится.

Коренное население этим нововведениям так обрадовалось, что тут же появились новые слухи: «Говорят, духоборы скоро уедут. Не понравилось им у нас». К Наталье Николаевне побежали гонцы: «Вы уж им скажите, пусть остаются. Жизнь-то как из-за них закипела. Вода из кранов течет! Теплая! А парней у них сколько молодых на радость нашим девочкам. Пусть остаются, а?»

Духоборы пока никуда и не собираются. Хотя поводов для беспокойства у них предостаточно. Владимир Сухоруков, увидев журналистов, рассказывает о своей беде. Его дочка, Юлия, училась в Москве в институте «на учителя» по программе помощи соотечественникам. Но руководство института замешкалось и вовремя не зарегистрировало девушку по месту учебы. В итоге ее депортировали из России как злостного нарушителя визового режима. Теперь Владимиру придется навсегда уехать из Малого

Снежетка — не оставишь же девочку одну в Грузии. Он протягивает нам ксерокопии документов, в которых написано о депортации из Российской Федерации Юлии Сухоруковой (как издевательски звучит!) и тихо просит: «Может, поможете чем-нибудь?» Вокруг толпятся его друзья и молча смотрят на нас.

И это еще не все. Какой-то неизвестный дипломат обещал переселенцам в аэропорту, что на Тамбовщине их ждет манна небесная: в новое жилье они вселятся до сентября, российское гражданство получат мгновенно, а зарплата у них будет целых 40 тысяч, у каждого. На месте все оказалось иначе. Бюрократия за программой переселения не поспевает. Дома надо строить, визы с большим трудом каждый раз продлевать, а в яблоневых садах такие громадные деньги не заработаешь, даже если трудиться будешь круглосуточно. А тут еще родные, оставшиеся в Грузии, волнуются. Звонят: «Ну как? Ну что? Нам ехать? У нас закрыли последнюю русскую школу, что делать?» Один из мужчин получил эсэмэс от дочери: «Папочка, дорогой, любимый, заberi нас скорее» — и расплакался. За ним — остальные. Тогда-то Татьяна Чучмаева и приняла решение возвратиться в Грузию, чтобы там «формировать общественное мнение», а попросту уговаривать людей не паниковать. А Наталья Николаевна поддерживает переселенцев на месте: «Ну вы же мужчины! Ну потерпите. Это ж Россия, тут скоро сказка сказывается, но не скоро дело делается». Вот так две мужественные женщины и регулируют государственную программу по содействию переселению соотечественников из-за рубежа.

«В армию пойду, долг отдавать»

И все-таки на стройке жизнь кипит. Переселенцы изо всех сил помогают профессиональным строителям — подносят доски, вколачивают гвозди. Они уже знают, где чей дом будет стоять, поэтому каждый торопится поскорее добраться до своего участка. Глава администрации, Константин Петров, довольно оглядывает владения: «Здесь будет город заложен! Вот уже почти готов дом Иван Ивановича Толмачева, 90 квадратных метров. Вон там — Татьяна Степановна, 113. Вы пишете, пишете, что условия созданы. Лично губернатор курирует эти вопросы. Два раза в неделю совещание проводим, где присутствует чин не ниже замгубернатора».

Здесь же трудится и первая семейная пара Нового района — Валя Сухорукова (фамилия среди духоборов распространенная), не выдержав разлуки с мужем, приехала к нему с вещами. Супругам по 20 лет, женаты всего восемь месяцев, а уже строят свой дом. Небольшой, всего 56 квад-

ратов, поэтому он будет соединен с жилплощадью родителей. «Смотрится солиднее, зато входы будут разные», — объясняет Валя. Держать коров, как остальные переселенцы, она не намерена: «Хватит, наработалась уже в Грузии. У нас только куры будут. Ну, может, еще бычок. Мы люди современные, утренние дойки не для нас».

Рядом что-то пилит друг семьи, 19-летний Владимир Савенков. «Где будете потом работать?» — спрашиваем. Владимир со смущением стягивает с головы кепку, и мы видим, что этот гражданин Грузии — абсолютный блондин. Голубоглазый и курносый. «Как это — где? — спрашивает. — Я в армию пойду. Буду служить России, священный долг Родине отдавать». С крыши ему кричит семидесятилетний плотник Николай Тихонов: «Ты пока что доски Родине давай, хватит прохлаждаться».

Местное население не столь разговорчивое. Завидев камеру, убегают со всех ног: «Ой, не фотографируйте, не фотографируйте, я не в форме». Расспрашивать про переселенцев приходится на ходу. «Да нормально все, — объявляет дядя Миша, улепетывающий на велосипеде. — Шутка ли: население сразу чуть ли не в три раза увеличилось. И люди приехали приличные, достойные. Что ж ненормального-то?»

А муж Натальи Николаевны по секрету рассказывает, что вчера, стоя в Старокленском за пивом, услышал, как шептались в очереди: «Гляди, гляди, это мужик снежетковского директора. Вот какая мудрая у него жена — приняла переселенцев, теперь у них в селе и газ, и вода, и свет. А наши прогнали и в дураках оказались». Наталья Николаевна смеется — приятно. Но потом вздыхает: «Вот оно как получается: чтобы нашим людям хоть что-то сделали, надо было мигрантов завести. Странно, да?»

*Тамбовская область — Москва
Сентябрь 2007 года*

БОБРИКОВ, КОТОРЫЙ НЕ БЕРЕТ

В Калужской области инспектор ГИБДД отказался от взятки в 40 тысяч рублей. И получил за это премию от губернатора — 40 тысяч рублей.

В поселке Ферзиково, что в Калужской области, давно женятся по следующей схеме: сделать предложение невесте, подать заявление в загс, узнать дату церемонии и позвонить в районное отделение ГИБДД: «Скажите, пожалуйста, а Бобриков 27 октября дежурит? Нет? Слава богу». Капитана милиции Павла Бобрикова побаиваются — ему без разницы, кого останавливать: депутатскую машину или свадебный кортеж. Поэто-

му брачующиеся либо переносят роспись на другое число, либо нанимают шоферов со стороны — тех, кому наливать не надо. Иначе праздник обязательно будет омрачен изъятием водительского удостоверения.

Поначалу, когда Павел только начал работать в милиции, его пытались урезонить: «Да ты что? Какой штраф, Паша? Мы же с тобой в одной школе учились. Это же я, Серега!» Но Бобриков и бровью не вел: «Вы нарушили правила, будем составлять протокол». Для маленького Ферзикова, в котором все друг друга знают, такое поведение было возмутительным. Но вскоре и одноклассникам, и соседям, и родственникам пришлось смириться. «Бобриков на уступки не идет, — говорят теперь они. — Такой человек. Принципиальный, — и добавляют, понизив голос: — Достал».

«Это ж Пашка! Наш Пашка!»

Бобриков не первый раз отказывается от взятки. Несколько месяцев назад Ферзиково уже лихорадило: «Наш принципиальный отказался от 15 тысяч!» Виновный — заезжий водитель джипа — пытался отмазаться от наказания и с ходу предложил Павлу деньги. Доказать факт взятки тогда не получилось. Зато чуть позже капитану милиции удалось привлечь к суду нарушителя с более крупным подношением.

Нарушитель работал водителем в Москве. И, приехав на побывку домой, в Ферзиковский район, не смог отказать себе в удовольствии это дело отметить в местном баре. Сел за руль, а тут — Бобриков. Красивый, ясноглазый, гладковыбритый, как с рекламного плаката бритвенных станков. Какой ужас. Мужчина и в ноги ему падал: «Не отнимай права, друг. Я без работы останусь», и угрожал: «Тебе ведь тут дальше жить», и плакал. Ноль эмоций. Пришлось подключить знакомых. Таинственные личности называли Павлу на мобильный и намекали, что если он отдаст водительское удостоверение, то получит «сорок тысяч благодарности».

Что в таком случае сделал бы сотрудник ГИБДД с зарплатой 9 тысяч рублей? Как минимум — задумался бы. А Бобриков тут же сообщил о поступившем предложении в УВД по Калужской области. Его проинструктировали и устроили засаду. Когда счастливый взяткодатель явился в кабинет, то услышал: «Вы понимаете, что, пытаясь дать мне деньги, совершаете уголовное преступление?» Нарушитель упорствовал: «Это уже не твоя забота». За что и поплатился: повязали его на месте.

А как раз накануне губернатор Калужской области Анатолий Артамонов где-то публично проговорился о честности дагестанских милиционеров. Мол, одному из сотрудников там преступники предлагали награду

за услугу: трехкомнатную квартиру и «мерседес». Благородный милиционер отказался, и местные власти наградили его за это... трехкомнатной квартирой и машиной. Губернатор был весьма впечатлен этой историей и божился, что если бы такое случилось в его области, то он не задумываясь тоже вручил бы своему милиционеру соразмерную взятке премию. Вот только где ж найти такого честного человека?

И — пожалуйста. Павел Бобриков собственной персоной. Пришлось Анатолию Дмитриевичу, что называется, ответить за базар. За проявленную твердость и нравственную устойчивость при выполнении служебного долга капитан милиции Бобриков был отмечен премией в 40 тысяч рублей. Средства на премию были выделены из областного бюджета. Глава региона лично приехал на награждение, чтобы пожать руку добросовестному бойцу. Даже сказал речь: «В обществе вообще-то вызревает вот это общее настроение, что ни учителю, ни милиционеру такую позорную зарплату платить нельзя. Моя главная задача как губернатора — довести зарплату учителя до средней по области. Чтобы мы смогли смотреть в глаза учителям».

Павел не понял — так как же насчет милиционеров? Но решил не заострять внимание на насущных проблемах: «Я шел в милицию не для того, чтобы злоупотреблять своим положением, чтобы получать деньги от кого-то». Сотрудники ГИБДД, собранные на награждение со всей области, растерянно улыбались и не могли сообразить, что происходит. А жители Ферзиково, наблюдавшие за церемонией по местному телевидению, подпрыгивали на диванах: «Это ж Пашка! Наш Пашка! Этот — да. Этот — точно. Не берет. Уж мы-то знаем».

«Не любят они нас»

Первой позвонила Павлу мама и давай плакать от счастья и гордости: «Сыночек, что ж ты нам не сказал? Смотрим — а ты в телевизоре». Павел засмутился: «Мама, ну а что говорить? Я просто делал свою работу». Коллеги тоже сдержанно поздравили, хоть и не определились, как реагировать: радоваться или крутить пальцем у виска. До сих пор на вопрос: «Как вы относитесь к этому случаю?» — они отвечают: «Без комментариев».

«Не любят они нас, — объясняет Лена, жена Павла. — Не умеет Паша угождать начальству, идти на компромиссы. Взятки никогда не берет. Один из всех». Муж толкает ее в бок: «Молчи, болтушка». Но женщину не останавить. Она долго и подробно рассказывает о принципиальности супру-

га и его нежелании смириться с общепринятыми стандартами. В конце концов, он ведь пошел против общественного мнения и собственных родителей, когда 10 лет назад взял ее замуж с двумя детьми. Для деревни это сильный поступок. Все ему говорили: «Ты с ума сошел? Тебе молодых девчонок мало?» Но если Павел что решил — плевать ему, что остальные думают. Поэтому теперь, в 32 года, он отец большого семейства — старший сын уже в армии, средний — в ПТУ, а младший ходит в детский сад и когда с друзьями играет в машинки, то кричит: «ДТП! ДТП! Камазик перевернулся! Сейчас папа приедет, протокол будет составлять».

Живут Бобриковы в бывшем солдатском бараке, делят его еще с одной семьей. Дом без фундамента, просто стоит на плитах, поэтому «по ногам тянет — будь здоров». Прошлой зимой крыша обвалилась. В этом — трещины по стенам пошли. Все деньги уходят на то, чтобы в очередной раз что-то подкрасить, замазать, заделать. «Ты как тот гаишник из “Нашей Раши”, — смеются соседи. — Живешь в нищете, зато честный».

Лена работает на заводе, зарплату — 8 тысяч рублей — ей выплачивают не вовремя. Вот уже два месяца — ни копейки. Так что премия будет очень кстати. «Баньку дострою, — мечтает Павел. — Мыться-то нам негде, в кастрюлях воду греем. На печке греем — газа тоже нет».

Хозяйство у Бобриковых для сельской местности небольшое: сорок кроликов, чтобы мясо на столе каждую неделю было. Две кошки, собака Вилли и попугай Гоша. Есть еще огород, но Лена, увлеченный цветовод, каждую весну «потихоньку оттяпывает от картошки по 20 сантиметров для своих георгин». Недавно в долги влезли — взяли ссуду на пять лет, 120 тысяч: «На окна, холодильник и мебель». А то в кухне всего две табуретки было, и больше ничего. Так что теперь из своих 9 тысяч рублей Павел отдает шесть за кредит.

Лена не ропщет — знала, за кого шла. Муж сразу предупредил: «Взятка я не беру. Будем жить на зарплату». Она была единственной, если не считать сотрудников УВД, кому Павел рассказал про те 40 тысяч от нарушителя: «Я его ни словом не попрекнула. Просто старалась поддерживать, это ведь тяжело морально — своего, местного, брать с поличным. Люди будут косо смотреть».

Раньше — «зверь», теперь...

Люди давно косо смотрят. Раньше о Бобрикове говорили: «Зверь», теперь: «Дурак». И гадают: «Сначала 15 тысяч не взял, теперь — 40. Сколько же ему давать?» Нарушители даже через отца пытались на Павла

повлиять. Подкатывали к старшему Бобрикову с предложением: «Ты скажи своему, пусть помягче будет. Сил ведь никаких нет». Но отец тоже известен принципиальностью. «Нарушил — отвечай» — вот и вся любовь. Отец Павла, кстати, водителем работает. И благодарность имеет: «Десять лет без аварий». Та еще семейка.

Начальник ОВД по Ферзиковскому району, подполковник Хорошилов, вздыхает: «Честно скажу: я бы не смог работать в ГИБДД. У нас в Ферзикове быть принципиальным очень трудно. Тут ведь все знакомые, родственники, кумовья. Ну как ты его остановишь, если он свой? Завтра ведь на именины к нему же придешь». Одно время работал в поселке пришлый инспектор — из Калуги. По незнанию остановил местного чиновника. Так тот от него убежал, скрылся в доме и не выходил, несмотря на настойчивые просьбы. Потом звонил Хорошилову с претензиями: «Альберт Вячеславович, кого это вы наняли? Почему меня не знает? Второй Бобриков, что ли?»

Хорошилов даже рад, что у Бобрикова такая репутация. Это единственный человек, которого можно поставить на дежурство с 31 декабря на 1 января. Бросить, как в клетку львам. И быть уверенным: этот справится, не поддастся. Выстоит.

«А мне нравится работать в новогодние дни, — улыбается Павел. — Я свою профессию люблю. Конечно, люди со мной часто ругаются. Но я их быстро осаживаю. Ну и что, что Новый год? Я же трезвый, так и ты умей себя в руках держать. А хочешь выпить — такси заказывай». Единственное, что Бобрикова расстраивает, — доказать факт нарушения становится все труднее. «Допустим, показываешь водителю данные радара, а он: “Это не моя машина”. И как хочешь, так и выкручивайся. Пишешь протокол, а водитель в ответ на тебя жалобу пишет. Вот и все. Презумпция невиновности, блин».

Трудно быть инспектором в Ферзикове. Вроде люди злятся: «Да все гибэдэдэшники только и думают, как на лапу взять! Наказывать их надо!» Но как только появился в районе невзяточник, его возненавидели еще больше: «Этот Бобриков, он что, не может по-человечески разойтись?» Не хочет местное население жить по правилам. Не готово смириться с честным инспектором. Отторгает его, как чужеродный организм.

А что же Павел? Ничего. Воздевает руки к небу: «Ну не могу я мзду брать. Не могу! Как бы вам объяснить... А если посадят? Нет, ну вы только представьте. Как я вернусь после тюрьмы сюда, как людям в глаза будут смотреть, что обо мне скажут? Бобриков — взяточник? Тьфу».

Работать в милиции Павел собирается «до пенсии». Потому что это пока единственное место, где он чувствует себя нужным. Где получает

удовлетворение от собственной порядочности и неподкупности. «Эй, журналисты! — кричит он на прощание. — Пристегивайтесь ремнем безопасности. Я все вижу. Я пока еще здесь».

*Калужская область — Москва
Октябрь 2007 года*

АМЕРИКАНСКИЙ ЗЯТЬ

Ради любви что только не сделаешь. Американец Роберт Дюкс, например, бросил работу в юридической фирме, оставил друзей, продал дом на берегу океана и переехал из Калифорнии в Кострому. Сейчас он живет вместе со своей русской женой Светланой в небольшой квартирке и уверяет, что нет на свете человека счастливее его.

Началось все семь лет назад. В Костроме было утро, в Сан-Франциско — вечер. Светлана с помощью подруги оформляла анкету на сайте знакомств: *My name is Svetlana*. Не сказать, что она так уж мечтала выйти замуж за иностранца — просто в России ее возраст считался критическим для невесты. Двадцать восемь лет, за плечами неудавшийся брак, диагноз — бесплодие. «Что ты теряешь?» — говорила подруга.

В это же время Роберт, тоже вместе с другом, сидел за компьютером и изучал женскую красоту народов мира. Сходил на шведский сайт знакомств, на китайнок посмотрел. К русским заглядывать опасался поначалу. «Я слышал, что русские девушки огромные и страшные, — объяснил Роберт другу. — Ходят в военной форме и бьют своих мужей». Ну как после этого не полюбоваться на сержантов в юбках? Зашли, посмотрели фотографии... «Все, я пропал», — сообщил Роберт, увидев анкету Светланы.

Русская красавица отвечать не торопилась. Ну не произвел кавалер впечатление. Но Роберт оказался настойчивым. И деликатным. В конце концов Светлана написала ответ, «чтоб отвязался». Потом еще один и еще. Целый год они просто переписывались, узнавали друг друга. И стала Светлана замечать, что уже ждет писем из Сан-Франциско. Как это обычно бывает — сначала вежливая беседа, потом ежедневные разговоры по душам, а потом, глядишь, уже жить без этого парня не можешь.

Встретились «вживую» они через год, в Турции, на «нейтральной территории». Все было как положено: цветы, прогулки вдоль кромки прибоя и предложение руки и сердца. Романтика. Свадьбу гуляли уже зимой, в Костроме. Роберт обаял всех своих новых родственников. «До чего же

у нас зять хороший, — восхищалась теща. — И готовит сам, и стирает. Я такого еще не видела!»

После свадьбы молодые уехали в Сан-Франциско. Но Светлана там маялась: то не нравится ей, что Новый год без снега, то по родителям соскучилась, то по друзьям. А когда она заболела и врачи сообщили, что хорошо бы ей климат поменять, уже Роберт не выдержал: «Света, если ты хочешь, то давай передем в Россию. Мне-то все равно, где жить, главное, чтоб с тобой». Так американец Роберт Дюкс поселился в Костроме и открыл фирму, предоставляющую интернет-услуги.

Первое время его очень удивляли настороженные взгляды костромичей: «Почему они на меня смотрят, как на инопланетянина?» Но потом решил: «Это они не меня разглядывают, а Свету. Она такая красивая, что не обернуться невозможно».

А Света на родине даже болеть перестала. И, несмотря на приговор врачей, забеременела. Роберт сначала не поверил — быть такого не может, ведь столько лет старались, а все без толку. Чтобы убедить мужа, пришлось сделать три теста. А уж когда и доктор беременность подтвердил, то Роберт скакал до потолка: «Чудо! Чудо!» Он подарил Светлане небольшую иконку с изображением ее святой. На обратной стороне был краткий рассказ о великомученице, которую поддержал в трудную минуту святой Мартиньян. Поэтому сына было решено назвать созвучным именем — Мартин.

Сейчас Мартину, российско-американскому чуду, полтора года. Он растет здоровым и счастливым. Его любит бабушка из Костромы и обожает бабушка из Аризоны. У него мама-блондинка и чернокожий папа. С ним разговаривают на двух языках и, если задают ему по-русски и по-английски вопрос: «Как лает собачка?», он отвечает всем одинаково: «Ав-ав!»

Дюксы открыли в Костроме свою интернет-фирму. Пока живут с родителями, но копят деньги на собственное жилье. И мечтают еще об одном ребенке — надо же демографическую проблему в России как-то решать.

*Кострома — Москва
Январь 2008 года*

КОРАБЛЬ ТУРИЗМА

Верблюд Василий должен поднять экономику села Желанного, что в Рязанской области. Сами желанновцы, во всяком случае, на Васю очень рассчитывают.

Ни одной машины. Тридцать километров пути от районного центра по разбитой дороге — и, ей-богу, ни одной машины. Только лес стеной да комментарии водителя: «Места тут грибные, ягодные. И ежевика есть, и грузди, и черныши. Один раз даже волка встретил». Но едем мы смотреть не на волков. Верблюд Василий — вот цель нашего путешествия. Три года назад по району прошел слух: в одной заброшенной деревне зимует диковинное животное из Казахстана. Верблюда привез туда дачник, любитель экзотики. Привез, порадовался, посмеялся, а что делать дальше — не решил. Поэтому осенью оставил он Василия на попечении местных мужиков и отбыл в город. А какие мужики в заброшенной деревне? Известно какие — пьющие. Так что жизнь у Васи началась не очень комфортная. И на следующее лето хозяин сообразил: подарю-ка я верблюда району. Пусть построят ему какой-нибудь зоопарк, что ли. Местные чиновники очень обрадовались и долго отказывались от подарка. Но потом вспомнили, что как раз рядом с Василием, километрах в двадцати, находится село Желанное. А в селе — краеведческий музей. Вот пусть туда верблюда и берут на довольствие. Глава района так и сказал сотрудникам музея: «Василий будет привлекать к вам туристов». Вот уже два года и привлекает. И мы едем, чтобы проверить — как.

«В психбольницу на велсапедах»

На что мы никак не рассчитывали — что попадем в Зазеркалье. Нас, конечно, предупреждали, что Желанное — место необычное. «Чистый воздух, от трассы далеко, мобильная связь за ручьем уже не берет». Предупредили и о том, что Желанное каждый год занимает первые места в районе по благоустройству сельских поселений. Но не объяснили, по какой причине. Оказывается, в этом населенном пункте, в котором живут практически одни старики, всего 150 душ, улицы украшают разнообразными художественными композициями. Впрочем, самих улиц как таковых в селе нет — все дома выстроены возле одной дороги. И почтовые адреса поэтому очень простые: «Желанное, дом 3» или «Желанное, магазин». Но местные жители используют другие ориентиры. Баба Валя, например, живет возле «столбов крашенных», а дядя Ваня — «возле котиков». Каждый второй дом — с заколоченными окнами, с двором, заросшим бурьяном. А рядом — деревянные коты, разукрашенные яркими красками. Или деревянные свиньи. Или какая-то деревянная решетка с деревянными же цветами. Чуть дальше — сооружение, которое называется «Детский уголок»: к поперечным перекладинам намертво прикручены проволокой

куклы в ситцевых платьях, плюшевые медведи и резиновые мячики. Все это мокнет под дождем, в тишине и безлюдье. Детский уголок для детей, которых нет. Да, верблюд должен удачно вписаться в этот сюрреалистичный пейзаж. Корабль пустыни в маленьком селе на окраине Рязанской области, куда автобус ходит всего два раза в неделю, — именно тот завершающий штрих, который окончательно разрушит у потенциальных туристов связь с действительностью.

«Верблюд ведь у вас живет?» — уточняем мы у дяди Вани. Он пытается внести ясность: «Значит, так. Меня зовут Иван Алексеевич Подзоров. Верблюд у нас живет, в музее, но я его только издалека видел. У меня и без верблюда дел полно». Дальше выяснилось, что дел — в смысле работы — в селе, как и предполагалось, немного. «У нас ведь дети по городам разъехались — дочки учительствуют в Рязани, младший сын в Москве работает, мусор возит. В селе одни старики остались, работать-то тут негде. Все поля березой заросли».

Потом оказалось, что кое-какие рабочие места все же есть. В администрации, например, три женщины. В музее — целых пять. А в 12 километрах от села есть психбольница, там тоже пятеро местных трудятся. Как ездят на работу? Знамо как — «на велсапедах».

Как из-под земли вырастают две бабушки с ведрами: «А еще напишите, что водопровод у нас сломался». Мы вздрагиваем — нет, это село точно волшебное. Сгорбленная бабушка с клюкой сообщает: «Я — Маша. Радина Маша. А это — Рая Лазарева. У нас еще радио сломалось, пусть сделают». Маша и Рая тоже видели только голову верблюда: «Он тут недавно отвязался и как дал по огородам!» Специально в музей они не ходили — все-таки просмотр верблюда стоит серьезных денег. Пять рублей.

По уходу за животными

Но есть люди, которых допускают к Василию бесплатно, — это те, кто несет ему что-нибудь вкусенькое: картофельные очистки, морковь, яблоки. В прошлом году очень большой урожай яблок был, и «Васька хрумкал их только так». Софья Ивановна Кошелева к верблюду приходит с гостинцем почти каждый день. Он ее уже узнает, радуется. Вообще, надо признать, Василий очень меркантильный товарищ. Нам сказали, что если бы мы не привезли ему бананов, то он ни за что не стал бы позировать. А так — поел и принял позу «как на паспорт». Сообразительный.

Чем именно надо кормить верблюда, не знает ни Софья Ивановна, ни зоотехник Нина Глазунова. Пока он не отказывается ни от сена, ни

от овса — и ладно. Основное пропитание Василию выдают районные власти, три тонны сена в год. Но Нина Алексеевна все равно недовольна: «Это такая скотина, что без вкусностей в сарай не зайдет. Обязательно надо что-то взять в руку и его приманивать. А что? Яблоков уже нет, хлеба на него не напасешься. А силой его не затанешь — вы посмотрите, какой он громадный».

Нина Алексеевна поначалу перед Васькой робела. Он «орал, как сигнализация», фыркал и плевался. Зоотехник даже хотела отказаться от должности: «С коровой я еще знаю, как обходиться, но с этим!» — но потом подумала, что лишняя тысяча рублей на дороге не валяется — именно такая была ставка у «рабочего по уходу за животным». А уж когда в нагрузку к Ваське привезли от того же дачника еще и ослицу Машку, зарплата и вовсе выросла до 3 тысяч. Так что теперь Нина Алексеевна очень довольна, а то раньше «сидела без копейки».

По первости Василий все же плюнул в супруга Нины Алексеевны, но тот сам виноват, полез к верблюду «выпимши». А Вася так в свое время натерпелся от пьяниц, что теперь на дух их не выносит. Чуть кто перегаром дыхнет — он сразу реветь и скакать начинает. «Котухина Ваньку, как обезьяну, гонял тут по селу, когда он на него залезть попробовал». Можно сказать, что Васек — едва ли не единственный в селе поборник трезвости. Но и единственный объект, который как магнитом притягивает всякого, кто «угостился». И немудрено: в этом году селу Желанному — 180 лет, раньше тут почти всю дорогу был винзавод.

Но больше всего верблюда любят дети. «Они ж никогда такое не видели. У нас ведь даже в Рязани зоопарка нет». Школьников на экскурсии в Желанное привозят со всей области. В прошлом году благодаря Василию посетителей в музее было более 7 тысяч. Василий с Машкой лично выручили 3 тысячи рублей. Не зря на заборе объявление висит: «Уважаемые посетители! Просмотр животных — 5 рублей с человека. Для детей дошкольного возраста — бесплатно. Деньги идут на содержание животных!»

Ставка сделана

«Мы на Василия делаем большую ставку, — сообщает Вера Панёнова, глава Желанновского сельского поселения. — Только надо, чтобы о нем узнало как можно больше людей. Тогда к нам автобусы туристов пойдут, экономика будет процветать, село возродится». Помимо Василия туристов собираются в Желанное привлекать и знакомыми нам художе-

ственными композициями. Вера Семеновна уже дала задание «пожарникам» (двум работникам пожарной охраны) смастерить из поленьев еще немного кошечек и собачек. Хотели и на «33 богатыря» раскошелиться, но уж больно дорого получается, спонсор — районный лесхоз — столько краски не выделит. Зато через месяц перед въездом в село установят фигуру Василия. Не в полный рост, но все же.

Кстати о фигурах: осенью тут подведут итоги конкурса на лучшее подворье. Гран-при — пластиковое ведро. Второе место — таз. Третье — ковшик. Это, значит, осенью; что дальше — с селом, с людьми его — без ясности. Только с Василием ясность есть. Кто-то сказал сотрудникам музея, что верблюды живут по 120 лет. Они поверили и теперь не без гордости сообщают: «Нас уже не станет, но будет цвести наше родное Желанное, и будет в нем наш Василий».

*Рязанская область – Москва
Июнь 2008 года*

Наталья Радулова

Наши

Руководители проекта *В. Лошак, С. Кондратов*

Редактор *К. Мкртчян*

Художественный редактор *Е. Поляков*

Корректор *И. Яковенко*

Компьютерная верстка *В. Круглова*

Подписано в печать 29.08.08 г.

Формат 70x108^{1/32}. Бумага газетная.

Гарнитура «Журнальная». Печать офсетная.

Тираж 48 000 экз. Заказ № 0808950.

ТЕРРА—Книжный клуб.

127206, Москва, Чуксин тупик, д. 9.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат» 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Народная библиотека «Огонька»

С 1 июля в каждом отделении Почты
открыта подписка на следующие издания:

Универсальный словарь: В 4 томах	1390 р.	Кассиль А. Собрание сочинений: В 5 томах	1400 р.
Большая Энциклопедия «Терра»: В 62 томах	74400 р.	Колетт С.-Г. Собрание сочинений: В 7 томах	1274 р.
Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: В 86 полутомах	68000 р.	Кристи А. Собрание сочинений: В 13 томах	1885 р.
Популярная Энциклопедия: В 20 томах	6200 р.	Манн Т. Собрание сочинений: В 8 томах	2240 р.
Детская Энциклопедия: В 10 томах	4620 р.	Мериме П. Собрание сочинений: В 5 томах	1250 р.
Энциклопедия «Великий час океанов»: В 5 томах	2250 р.	Монтень М. Опыты: В 3 книгах	890 р.
Андерсен Х.-К. Собрание сочинений: В 4 томах	1520 р.	Моруа А. Собрание сочинений: В 10 томах	2580 р.
Библиотека античной литературы: В 10 томах	3200 р.	Песков В. Сочинения: В 9 томах	2520 р.
Блок А. Собрание сочинений: В 6 томах	1280 р.	Похлебкин В. Сочинения: В 6 томах	1450 р.
Бунин И. Собрание сочинений: В 9 томах	1830 р.	Родари Дж. Собрание сочинений: В 4 томах	1220 р.
Буссенар А. Собрание сочинений: В 10 томах	2710 р.	Софья де Сегюр. Собрание сочинений: В 5 томах	1275 р.
Волков А. Собрание сочинений: В 4 томах	860 р.	Соловьев Вс. Собрание сочинений: В 9 томах	2080 р.
Гарт Б. Собрание сочинений: В 6 томах	1560 р.	Тэффи. Собрание сочинений: В 5 томах	905 р.
Герцен А. Избранные произведения: В 5 томах	1255 р.	Уэдсли О. Собрание сочинений: В 6 томах	1308 р.
Гоголь Н. Собрание сочинений: В 7 томах	1610 р.	Флеминг Я. Собрание сочинений: В 7 томах	1540 р.
Гранин Д. Собрание сочинений: В 5 томах	1075 р.	Фолкнер У. Собрание сочинений: В 6 томах	1194 р.
Грин А. Собрание сочинений: В 6 томах	1242 р.	Хаггард Г. Р. Собрание сочинений: В 12 томах	2880 р.
Диккенс Ч. Собрание сочинений: В 20 томах	4200 р.	Чарская Л. Собрание сочинений: В 5 томах	910 р.
Долгополов И. Мастера и шедевры: В 6 томах	1500 р.	Чуковский К. Собрание сочинений: В 5 томах	1025 р.
Ефремов И. Собрание сочинений: В 8 томах	2160 р.	Ян В. Собрание сочинений: В 5 томах	1310 р.